

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a man and a woman in a rural setting during the 'golden hour' of sunset. The man, with long, light brown hair and a beard, stands behind the woman, his hands resting on her shoulders. He wears a light-colored shirt under a dark, intricately detailed leather vest. The woman has long, wavy blonde hair and striking blue eyes. She is wearing a light blue, off-the-shoulder blouse with lace detailing at the neckline. They are standing in a field of tall, golden wheat. In the background, a rustic wooden house is partially visible, and the sky is a warm mix of orange, yellow, and soft blue. The overall mood is romantic and atmospheric.

ЕВГЕНИЯ
ЗИМИНА

МАРИСА
БЕЛЬ

БАБА КЛАВА,
или **ЗЛАЧНОЕ МЕСТО**
для **ПОПАДАНКИ**

Мариса Бель

**Баба Клава, или Злачное
место для попаданки**

«Литнет»

2025

Бель М.

Баба Клава, или Злачное место для попаданки / М. Бель —
«Литнет», 2025

Я проснулась в другом мире. В заброшенной лачуге с козой и не паханным полем. Кто я? Где я? Как я могла в свои шестьдесят пять очутиться в молодом теле? Но вскоре заявляется тот, кто мне всё объясняет. И кому хочется съездить по самодовольной роже вон теми граблями! Потому что он вылитый мой муж в молодости.... и оказывается моим бывшим муженьком здесь в другом мире!**НОВИНКА: Злюка в королевском замке:Баба Галя, или Волшебное зелье попаданки**

© Бель М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Клава в шоке	5
Глава 2. Семейное счастье	7
Глава 3. Родные ямочки	9
Глава 4. Клава всё ещё в шоке	11
Глава 5. Персональный рай	13
Глава 6. Вернись, я всё прощу	16
Глава 7. Госпожа Сулари	18
Глава 8. Монеты и достоинство	20
Глава 9. Покупочки	22
Глава 10. Анонимные попаданки	25
Глава 11. Анонимные попаданки -2	27
Глава 12. Встреча с прошлым, которого не было	29
Глава 13. Иголки, нитки и назойливые вопросы	32
Глава 14. Новые страхи	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1. Клава в шоке

Глава 1. Клава в шоке

Утром она проснулась от того, что кровать стала такой жесткой, аж копчик болел. Неужели она уснула в зале на диване, там у них стоит такой, жесткий, на нем не поспишь.

Она открыла глаза и снова закрыла.

Это еще что?

Снова открыла и изумленно глянула на потолок.

Он почему-то не голубой и совершенно не натяжной с красивой люстрой. Клава видела перед собой бревенчатый свод, запах еще какой-то странный... Не кофейный, как обычно по утрам. Она повернула голову и ахнула. Рядом с кроватью стоял открытый сундук с развешанным на крышке тряпьем, а у стены смятые башмаки и корзины, у окна на широкой полке разложены пучки трав. Вот откуда запах... От этой травы.

— Мать моя женщина. — Она поднялась и осмотрела своё ложе.

Деревянная кровать с тонкой подстилкой вместо матраса. Вот почему ей так жестко было!

Снаружи за окном послышался звук петуха.

Петух?

Клава подскочила к окну. За стеклом совершенно незнакомый пейзаж, двор, по которому свободно ходили куры, низкая изгородь, на котором горластая птица вещала о новом дне. Хотя солнце было уже высоко. Какой-то припозднившийся петух.

Только, где она находилась? И как сюда попала? А потом охнула, схватившись за сердце. Её чуть полноватые руки теперь выглядели тонкими и изящными. Ухоженными, кстати.

Опустила взгляд на свою уверенную троечку. Ох, и сны ей снятся. Наверное, Ксения так в её сознании отложила и ей такое приснилось. Она молода, с шикарной грудью, и ноги вроде ровные, красивые. На лицо только не знала, какая. Она надеялась, не страшная. А то сны любят подкидывать сюрпризы.

Уверенная, что всё сон, она босая вышла из комнаты.

— Очухалась?

На неё недовольно смотрела женщина лет... не определить сколько лет, вроде и не старая, но обветренное лицо, загорелые руки, волосы, собранные на затылке в дульку, никак не молодили. Она требушила какие-то пучки. Именно требушила: потряхивала одной рукой, а второй отбивала с них, то ли семена, то ли листья, и то, и другое падало в деревянную лоханку.

— Г-где я? — Клава моргнула несколько раз, пытаясь проснуться. Рядом раздалось жалобное бление, заставив её отпрянуть от двери, прямо за которой на соломе в углу между печью и дверью лежал настоящий козленок.

— Знамо где. Свалилась мне тут на голову, иди, принимай, хозяйство. Я присматривала семь лет, а мне оно надо? Последний год ни монеты не заплатили. Забыла как вчера валялась в ногах и умоляла кучера тебя обратно увезти?

— К-куда обратно?

— Знамо куда. К хорошей жизни. Ты учти, я свою оплату твоими платьями взяла и побрякушками.

Она поднялась, отложила лоханку на стол и схватив какой-то тук, пошла к двери.

— Всё. Очухалась, я больше ни дня не буду работать на вашу семью.

— Что... происходит... Кто вы?

Она Клавдию не услышала, уже была на улице, быстро шла к калитке, а потом махнула кому-то, из-за деревьев выехала телега, в которую та села и они укатили.

Просто уехали, оставив её тут одну!

— Ме-е-е-е!

Ладно, не одну. С маленькой козой. Козленком. Она что с ним делать будет? Где его мамаша хоть? И почему коза в доме?

И чей это дом наконец?

Глава 2. Семейное счастье

Незадолго до этого

Каждое воскресенье Клавдия варила тыквенное угощение. Суп или пирог с тыквой и с мясом, или манты с тыквой, или запекала ее на десерт. Рецепты обновлялись, и часто ей удавалось удивить домашних новым блюдом, где ингредиентом обязательно была тыква.

«Семейная традиция», — любила повторять каждый раз, расставляя тарелки на столе.

Дмитрий должен был вот-вот вернуться, но часы на кухне уже показывали девять. Дети, 42-летняя Аня и 45-летний Марк, скоро пообещали тоже подъехать.

Она вздохнула, поправляя салфетку с вышитыми золотым инициалами «Д+К» подарок друзей на пятую годовщину свадьбы. Тогда муж ещё смотрел на неё так, будто она центр вселенной. Теперь же его взгляд скользил мимо, он уже не делится охотно с ней всем, что происходило за день.

Почти год она была на пенсии. По заслуге вышла давно, но до прошлого года она еще активно работала в городской администрации, пока не попросили. Тяжело было, да. Дети её поддерживали морально, а вот Дмитрий...

Он вдруг заявил, что так положено, что молодым нужно дорогу давать. А в ее возрасте все сидят дома, варят борщи, да вяжут носки внукам.

Внуков она любила, младший, сын Ани учится в столице на юриста. Поступил сам между прочим, стобальник! А старшая внучка, дочка Марка, работала в суде - секретарем.

Всё у её детей и внуков сложилось хорошо. Достойные люди из них выросли. Приносят пользу людям и обществу.

А она маялась от ничегонеделанья.

Почти год.

Она пробовала занять себя различными хобби. От мыла ручной работы и свечей, до тортов и пирожных. Но горы изделий девать было некуда. Аня и Марк уезжали от неё всегда с полными пакетами, заказы никто делать не торопился. Это же соцсети вести надо, интернет-магазины, в гаджетах уметь работать, а она никак. Внучка пробовала помочь, но ей и самой некогда.

Почти год.

Именно столько Дмитрий задерживался на совещаниях, засиживался с клиентами или помогал коллеге с проектом. А она верила. Верила, когда он целовал её в лоб, обещая наверстать упущенное в выходные. Верила, когда он приносил дорогие подарки: новую сумку, золотые серьги, словно откупался от вопросов.

Но в один вечер она случайно обнаружила в кармане его пиджака, пахнущего чужими духами, смятый чек.

Всё бы ничего.

Но этот чек был из детского магазина «Детский мир» .

Платье для новорожденных, размер 56.

Не было у них среди всех знакомых никого с новорожденными.

Она замерла, сжимая чек, пока звонок телефона не заставил вздрогнуть.

— Легко на сердце от песни весёлой? — голос сестры мужа, Галины, звучал как всегда язвительно. — Завтра заеду к вам. Засолки привезу, ты ж на огороде одни цветочки выращиваешь. Хоть бы что-то съедобное посадила.

— Спасибо, — машинально ответила она, всё ещё глядя на злополучную бумажку.

— Димитр дома? — спросила та невинно, но в паузе перед ответом Клавдия уловила странную ноту.

— Нет, на работе...

— Ах, трудяга! — фальшивый смешок. — Ну, ладно, не отвлекаю.

Галина всегда относилась к ней с холодной вежливостью. «Ты же понимаешь, мы из другого круга», — сказала она когда-то, поправляя скатерть на первой совместной встрече. Сорок пять лет уже женаты, а всё не из их круга.

Она сунула чек обратно в карман, будто обжигаясь. «Не надо искать проблем, где их нет», — прошептала она, начиная накрывать стол для мужа. Но руки дрожали, когда нарезала хлеб.

Дмитрий вернулся ближе к десяти, притворяясь уставшим.

— Прости, проект горит... Дети там скоро? Или не приедут? — он развалился на диване, снимая галстук.

— Я видела чек, — вдруг вырвалось у неё. — На детское платье.

Он замер на секунду, затем рассмеялся, слишком громко:

— А, это! Коллега попросила помочь, у них дочка родилась. Ты же знаешь, я не могу отказать.

Она хотела спросить, почему он не сказал раньше. Почему не взял с собой выбрать подарок. Почему его глаза бегают, будто ищут выход. Но вместо этого она просто кивнула:

— Добрый ты у меня.

Он обнял её, и она прижалась к груди, сердце в которой, казалось, билось чуть быстрее обычного.

Потом приехали дети, закрутилось, завертелось. Поужинали, пообщались. Как-то забылось у неё про этот чек и объяснения Димы.

На следующий день, провожая сестру мужа, она заметила, как та пристально разглядывает её лицо.

— Ты бледная, — сказала Галина. — Может, к врачу сходить?

— Всё в порядке, — ответила она, заставив себя улыбнуться.

— Да-а... Иногда... слепота опаснее правды, — бросила та на прощание

А она не стала вникать.

Глава 3. Родные ямочки

Клавдия сидела за компьютером в спальне, приглушив звук, чтобы не разбудить Дмитрия. В браузере горели десятки вкладок: «Как проверить историю транзакций», «Анонимные форумы для жён», «Признаки измены».

Самой и смешно и горько, дожила, искала в шестьдесят пять как уличить мужа в измене. На экране банковского приложения столбцы цифр, которые она перепроверяла в третий раз.

«Перевод на карту **** 2876 — 50 000#. Категория: Подарки»

Эта строка маячила ежемесячно. Раньше она не замечала этих расходов, потому что никогда не контролировала доходы и расходы Дмитрия. Теперь же, сравнивая даты, заметила закономерность: платежи приходились на 5-е число - день, когда Дмитрий уезжал в командировку в филиал. Ежемесячно.

Она открыла социальные сети. Одноклассники, Вконтакте, МойМир, И**ам. Ввела номер телефона из перевода. Только в последнем обнаружился профиль Ксении Федоровой.

Фото с коляской в парке, снимки спящего младенца, посты о материнской усталости. Она прокручивала ленту, пока не наткнулась на фото с хештегом #мойгерой. На заднем плане, в зеркале прихожей, отражался мужчина в чёрной куртке — такой же, как у Дмитрия. Его рука лежала на плече Ксении.

Сердце застучало так громко, что она прижала ладонь к груди, боясь, что звук разбудит мужа. В ушах звенело. Увеличила изображение, пока пиксели не превратились в мозаику. Часы на руке мужчины – Tag Heuer. Её подарок на день рождения.

— Нет... — вырвалось шёпотом.

Утром, когда Дмитрий уехал на работу, она позвонила Галине. Трубку взяли с третьего гудка.

— Что ты хотела? — золовка говорила с нарочитой небрежностью, но Клавдия слышала фоновый шум, она была в машине.

— Ты знала про неё. Чей это ребенок? — она впиалась ногтями в край стола, чтобы не дрожал голос.

Пауза. Слишком долгая.

— О чём ты? — Галина фальшиво рассмеялась. — Опять фантазии?

— Я видела фото! Он с ними, он... — голос сорвался.

— Ты с ума сошла, — резко оборвала её Галина. — Димитр образцовый муж.

— Почему ты защищаешь его?! — крикнула она.

— Да потому что он мой брат. И ты ему никогда парой не была! — зашипела Галина. — Теперь он наконец-то нашел своё счастье. Ты женила его на себе своим пузом. Думаешь, не знаю, что брюхатая Марком была, он как благородный женился.

— Господи, сорок пять лет прошло, Галя. Ты всё злишься, как будто вашу семью и Диму заставили мне предложение делать.

Она отключилась от звонка и встала посреди комнаты, сжимая телефон, пока экран не погас. Галя всегда такой, но сегодня... Эти ее слова «Обрел свое счастье», какое счастье? Жили сорок пять лет душа в душу. Ему так же шестьдесят пять, какое еще счастье? Этой Ксении лет тридцать от силы. Она младше их дочери.

Вечером она поехала по адресу, который узнала по фотографии с указанием местоположения. Панельный дом, третий подъезд. На пятнадцатом этаже, за дверью слышался плач ребёнка. Она подняла руку, чтобы постучать, но замерла, услышав еле слышимый голос Дмитрия внутри:

— Алисочка, папа здесь...

Она прижалась ухом к двери. Смех девушки, голос мужа «Моя хорошая девочка». Слова, которые он говорил их дочери.

Сердце разорвалось. Она отшатнулась, наткнувшись на велосипед который стоял тут же на площадке у дверей соседей. Грохот привлёк внимание. Дверь приоткрылась.

— Вам кого? — Ксения выглянула, держа на руках малышку в розовом комбинезоне.

Она увидела ямочку на щеке ребёнка. Как у Марка. Точь в точь...

А может, это у Марка на стороне? Больше похоже на правду, только причём тут ее муж? Узнал о второй семье сына?

— Любимая моя девочка, кто там? — Дмитрий появился в прихожей с пустышкой в руке. Его лицо исказилось ужасом.

— Вы... — Ксения побледнела, видимо, поняла, кто стоит на пороге их квартиры.

— Ты... её отец? — Клавдия прошептала, указывая на девочку.

Тишина.

— Да, — ответил он.

Клава медленно развернулась и пошла к лифту.

Муж не пытался ее остановить, не пытался что-то сказать, или, может, она не слышала, в ушах шумело, давление поднялось. В лифт вошла, когда услышала за спиной щелчок дверного замка. Они вошли в квартиру, закрылись. А она просто... просто поедет домой.

Этим вечером он не вернулся ночевать. Клава сидела всю ночь на кухне, потом пошла в спальню прилечь и как-то сердце так защемило, что ни вдохнуть ни выдохнуть.

А проснулась уже в Юрании.

Глава 4. Клава всё ещё в шоке

Проводив удивленным взглядом телегу, она опустила пятую точку на ступени крыльца.

Её руки явно не приспособлены жить здесь, значит, она не отсюда. Ну не она, а эта девушка, в чье тело она попала.

Всё, дожила, Клава.

Оказывается после смерти есть жизнь. Какой кошмар! Никакого покоя!

И где она?

Можно было бы, конечно, удариться в форменную истерику, но... тут даже публики нет, да и смысла нет. Она уже поняла, что единственный, кто мог помочь, укатил восвояси.

С платьями и побрякушками? Это какими-такими побрякушками? Неужели её, то есть ту девушку, еще и ограбили!

«Взяли оплату» подсказывал мозг. За год. Она представила, сколько там набежало процентов.

Это как так получилось, что её предполагаемая семья не платила этой женщине целый год. Она посмотрела на палящее солнце над головой. Уже полдень. Привезли девушку, судя по всему вчера, а она еще умоляла кучера не оставлять её здесь. Это первое. Второе, дом и двор, скорее всего, ей и принадлежат.

А здесь тихо. Птички чирикают по весеннему так, травка зеленая, двор не ухоженный, но приятный. Всё утопает в зелени. Она прошла босиком по мягкой траве до калитки. Тут было нечто вроде почтового ящика, оказавшегося пустым. Она и в него заглянула, да. Калитка скрипнула и она шагнула на улицу.

Лачуга стояла на опушке леса, впереди только поля. Злак похожий на пшеничный. Чуть поодаль несколько домов. Она не могла с такого расстояния определить жилые они или пустуют.

Так, что же получается.

Пшеница, будем называть ее так, растет не сама по себе, ее явно посеяли. Значит, будут и убирать. Дома скорее всего жилые по этой же причине.

У неё есть свой дом. Она обернулась к нему лицом и замерла. Над воротами красовалась надпись:

«Злачный рай»

Она чуть со смеху не упала. Расхохоталась так, что её точно бы слышали в тех домах вдалеке.

Рай! Это ее персональный рай такой?

Почему злачный? Злачное место, очень злачное! Она прыснула со смеху. Шагнула во двор, направляясь к дому.

Любят там наверху пошутить.

Она вернулась в дом, прошла по двум комнаткам, в «своей» заглянула в сундук. В пустых небольших мешочках, скорее всего и были «побрякушки». Знать бы еще, какой именно ценности. Теперь уже не понять. Что за глупая девушка, как можно было драгоценности и деньги вот так оставлять. Да и платья получше поди та женщина и прибрала к рукам.

Разложив, что осталось, она насчитала семь платьев. С десятков комплектов нижнего белья. Видимо, оно сильно не приглянулось. Выглядело довольно фривольным. Одни домашние тапочки и ботинки, несколько шарфиков, или поясков, это как посмотреть. И собственно, всё. Даже расчески или гребня не нашлось.

Да уж, рассчиталась за рай. И Клаве удружила.

— Ме-е-е-е...

Этот еще... Она вышла из комнаты, встала над козленком.

— И где твоя мать, спрашивается?

Маманька у него явно где-то присутствовала, кормить-то его надо было. Она решила переодеться в более удобную одежду, нашла простое платье, сильно надеясь, что это не ночная рубашка, подвязала пояс, обула домашние тапки. На улице лето, сойдет. Волосы приколоть было нечем, пришлось перехватить другим пояском. Во второй комнатке нашлось маленькое зеркало.

Насколько она могла себя разглядеть, ничего так, довольно симпатичная мордашка ей досталась. Даже на нее чем-то в молодости похожа. Глазами что ли.

Подхватив козленка, она вынесла его во двор. Ища место, куда бы его пристроить, обошла дом и увидела маленький навес-пристройку. Там на привязи паслась коза.

— Ну вот и мама. Всё равно не знаю, что с тобой делать.

Она опустила его рядом с козой и огляделась.

Здесь же под навесом был и насест для кур. Получается, даже сарайки нет. Просто этот навес. От дождя спасет, а зимой?

А есть ли здесь зима?

Это еще предстоит выяснить. А то, может, не только козы, но и куры в доме зимой жили?

Брр... Жуть какая. Не дай бог!

Она нашла колодец с чистой водой. Тут же набрала ведро и появилась мысль прибраться в доме. Заодно и придумать, что дальше делать.

Пока она драила полы, отмывала стены и мебель, ничего не придумалось. Только устала и проголодалась. Еды она во всем доме не нашла. Ни крошки!

Потом вспомнила о козе, которую, наверное, можно было бы подоить. Кто б умел еще.

Так и есть. Козленок присосался к матери, она решила его не трогать, пусть кормит своё дитятко. Всё равно доить она не умеет и желания учиться нет. Вот честно.

Прошла к насестам и там под ними в деревянных коробах обнаружила яйца.

— Ура! — захлопала в ладошки! — Сегодня у меня на ... эммм, завтрако-обедо-ужин омлет!

Пришлось вернуться за корзинкой, которую из комнаты вынесла на крыльцо. Собрав яйца, она прошла по заднему дворику. Сначала она думала, что тут заросшее травой всё, но приглядевшись, нашла растущий лук, зелень, похожую по запаху на петрушку, мятные кустики, и плоды напоминающие то ли морковь по цвету, то ли баклажан по форме. А рос он как огурцы.

Заметив что-то вроде лунок, поняла, что этот овощ тоже был посажен вручную. Смело сорвала пару плодов.

Вернулась в дом со своим «уловом», и развернулась к печи.

И как она ее затопит?

Рядом ничего, что напоминало бы спички, кремь, или вообще хоть что.

Она опустила на табурет, опустив голову на руки.

Глава 5. Персональный рай

Она сидела, уставившись на холодную печь, и вдруг громко рассмеялась.

— Ну конечно! Рай, а спичек нет! Может, ангелы трением палочек огонь добывают? — швырнула в печь сухую ветку, сломанную на несколько палочек, найденную у порога, и замерла. В памяти всплыли уроки выживания из старого телешоу. Кремень... Да хоть камень о камень!

Она выскочила во двор, подняла два плоских камня с земли у дороги и, скрежеща ими над пучком сухой травы, ругалась на все лады. Никак. Тогда она вспомнила о зеркале. Нашла даже клочок бумаги под крыльцом, еще когда мыла полы, заметила. Она выковыряла её.

Искра, всполох огонька - и вот уже пламя лижет дрова. Она, выпачканная землей и травой, торжествующе подняла кулак:

— Бабушка еще огонька тебе покажет!

Омлет из яиц был изумителен, хоть и без соли. От странных овощей пахло подозрительно, но голод заставил попробовать всё. Отведав, она скривилась:

— На вкус как тыква с чесноком... Ну хоть не яд.

Сумерки застали её за осмотром границ её персонального «рая». За лесом темнело нечто массивное — то ли горы, то ли стена. А у калитки вдруг послышался скрип. Старик в залатанном плаще тыкал посохом в табличку «Злачный рай», бормоча:

— Опять эти шутники с Небесной канцелярии! В прошлый раз «Адский курорт» написали над таверной...

— Эй, дед! — Клава бодро вышла. — Небось, лапти продаешь? Или судьбу предскажешь? Старик выронил посох. Его борода затряслась от смеха:

— Лапти? Ах, ты ж новенькая. Из какого квартала душу прислали?

Она присмотрелась к нему, странные вещи он говорит. А вот про душу...

— Из какого такого квартала? Из Воронежа я.

— Ни о чем не говорит... — буркнул дед. — По ауре человек. Но людей в каждом мире как ползучих тварей.

— Как тараканов... — вставила она свои пять копеек.

— Ну и я говорю... — прищурился. И хохотнул. — Ты из технического примитивного мира, давно у нас оттуда никого на перерождение не присылали.

У неё челюсть отвисла. Это она-то из примитивного? А тут тогда что? Высокие технологии? С козой и курами.

— Дитя, ты в Буферной зоне. Где души учатся жить заново. Твой «Злачный Рай» - это тест на выживаемость. Выдержишь срок - и тебе дадут выбор, остаться и проживать новую жизнь здесь, или выбрать другой мир. А не выдержишь...

Он многозначительно замолчал.

— ...то? — Она хмыкнула.

— Некому и нечему будет выбирать. — жестко закончил он, а она вздрогнула.

Ничего себе условия.

— Значит, я экзамен сдаю? Ладно, старина, научишь козу доить. А потом... — Она бросила в темноту кожуру странного овоща, — ...будем этот «рай» обустраивать, урожаи собирать да мебель мастерить. Бабушка я или нет!

Старик закашлялся, пряча улыбку в бороде. Впервые за сто лет дежурства ему не хотелось спешить с докладом Наблюдателям. Эта душа обещала спектакль.

— Это ты сама. Я только встретить должен и объяснить. Увидимся через два года.

— Ну вот. Стоит только фронт обязанностей мужчине назначить, сразу сдуваются. И во всех мирах так!

Старик исчез, оставив её в полном недоумении. Да что там говорить. Она в полном шоке! То есть, ей надо продержаться два года в этом теле, а потом ее вернуть?

Или погодите-ка... Он не говорил «вернут», он сказал - предоставят выбор остаться здесь или перейти в другой мир. И там с нуля что ли всё? Ой, нет, так не пойдет. Если она за эти два года обживется, то вполне себе хорошие перспективы.

А что?

Второй шанс не всегда дается.

Что ей делать в мире, где ее мужу под старости лет бес в ребро седина в бороду. Ой, ну точно, он и бородку свою примерно год назад брить стал. Хотя она сколько просила, ни в какую, гордился ею.

И вот что её ждало? Снова муж, который даже не заметил, как она того? Интересно, когда ее обнаружат? Дочку жалко. Она будет больше всех страдать. Сын мужчина, он стойкий у Клавы, а вот дочка...

Она всплакнула, так жалко детей стало. Оставила она их там. Не одних, но...

Жизнь, как это ни парадоксально, продолжалась. Надо было стремиться прожить её и здесь достойно. В этом злачном месте.

Она не заметила, как уснула в раздумьях, застелив свою кровать найденным соломенным матрасом в другой комнатухе. Сверху накинула покрывало и легла прямо в одежде, не забыв запереть дверь изнутри.

А утром проснулась от грохота по деревянному полотну двери.

И стучали, похоже, давно. Она выглянула осторожно в окно, на крыльце стоял настоящий красавчик. Одет в духе средневековья, шевелюра роскошных волос ниже плеч и несколько узких косичек с вплетенными белыми лентами. Она никогда не понимала молодежь. Да у него даже перчатки белые были, которые он не снял, стуча в дверь. А потом он развернулся. И у неё дух перехватило. Это же вылитый ее муж, Дмитрий, в молодости, только с другой прической и одеждой.

Она осторожно подошла к двери и как можно громче спросила:

— Кто там!

— Клависия! Открывай! Я знаю, что ты там! Мне уже доложили, что ты осталась тут, и никуда не уехала.

— Вы кто?

Ага, значит, ее, то бишь девушку, зовут Клависия. Ну Клава, Клависия, похоже, однако. Ой, не спроста в её тело засунули!

Так, стоп... А если она тоже умерла? Но как? Не та бабка же убила её за «побрякушки»?

А этот пришел проверить, что живая и здоровая? Знал, не знал? И как она должна была уехать, если проснулась здесь...

Ой, сколько вопросов.

— Открывай! Не заставляй меня выламывать двери!

Этот франт умеет ломать двери? Не выглядит он настолько крепким. Она открыла засов и распахнула дверь, чуть не стукнув ею по лбу красавчика. Он еле успел отпрыгнуть.

— Чего тебе? — раз он к ней на ты, то и она так же.

Он зыркнул на неё злыми глазами. Отодвинул в сторону и бесцеремонно вошел в дом.

— Эй, куда в обуви!

Она влетела следом за ним. Он проверил каждую комнату, заглянул под кровати, за печь, на печь, в сундук.

— Где он? Его тут нет?

— Кого? Козленок? С козой!

— Ты играть со мной вздумала? — прошипел, наклонившись ближе к ее лицу.

— Я не знаю, кого ты ищешь, но в доме находился только козленок и бабка, которая умчалась с моими вещами быстрее ветра! Козленок на улице! Можешь к нему наведаться расспросить! Он там под навесом за домом.

Он отпрянул, странно глядя на нее.

— Где Маркиз? В последний раз спрашиваю! Не лги мне! Я точно знаю, что вы собирались бежать, как только тебя привезут сюда. Как будто я поверю, что в суде ты умоляла отправить тебя в дальнее поместье, а не в монастырь, чтобы жить тут в этой дыре одной!

Она захлопала глазами. Новые данные её совсем не радовали.

— Не знаю никакого Маркиза! И попрошу на полтона ниже. Зачем орать, я прекрасно слышу, не глухая.

— Своего любовника, изменника короны! Я согласился на твою отправку сюда после развода только для того, чтобы поймать его! И где он?

— Понятия не имею, ни где он, ни кто он такой.

— Ты лжешь! — он достал какую-то подвеску с синим камнем.

Вытянул руку с ним перед ее лицом.

— Повтори, перед камнем правды, перед инквизицией и королевским судом, что ты сейчас сказала. Потому что если ты солгала, я буду иметь право арестовать тебя от имени закона. За связь с маркизом и утаивание правды ты заслужишь пожизненное заключение в подземных тюрьмах государства.

— Ух, какой грозный. Я. Не знаю. Никакого. Маркиза. И меня. С. Ним. Ничего. Не связывает. — отчеканила каждое слово глядя на камень.

Франт удивленно глянул на камень в подвеске, потом на нее и снова на камень.

— Как ты это сделала? Я уверен, что ты... и Маркиз... Это невозможно.

Она отошла к стене, опершись на нее. Так страшно стало, ей-богу. А если бы этот камушек показал ложь? Этот щеголь же специально его достал, чтобы уличить ее! И как ей не выдать себя? Нельзя выдавать, что она это не она. Точно, нельзя.

— Можно узнать, что тебе сделал этот Маркиз, ну кроме того, что ты думаешь, будто я с ним? — осторожно спросила она его.

Он тряхнул головой, спрятал подвеску в нагрудный карман и шагнул к ней.

— Клависия... Что же я наделал...

Она вытянула руки вперед, упершись ему в грудь.

— Э-эй, стой! На шаг назад! Ты сам сказал, что мы в разводе, так?

— Я аннулирую развод.

— Еще чего! Я только жизнь начала!

Он выпучился на нее и на его красивом лице застыла глупая маска непонимания.

Глава 6. Вернись, я всё прощу

— Стоп! — повторила она.

— Почему ты меня отвергаешь? Ты невиновна, я же вижу. Вернись со мной обратно в столицу.

— То есть, по-твоему, хочешь обвинить во всех грехах, развестись, дать шанс поселиться у черта на куличках, чтобы поймать какого-то Маркиза, связь с которым ты мне приписывал. Я ничего не упустила?

Он качнул головой.

— А теперь, значит, передумал и «вернись, я всё прощу»?

— Клависия, позволь мне всё объяснить?

— Объясняй.

— Но... Давай вернемся домой, и сядем поговорим.

— Нет, тут объясняй, а я подумаю над твоим предложением.

Он хоть и выглядел огорошенным, но видимо, счёл её слова обидой за его поступок.

А она хотя бы узнала, в чем причина её ссылки сюда. Ну то есть, не её. Ай, уже без разницы, чьё это тело — в нём она, значит, её.

— Когда мне донесли, что ты... принимаешь у себя Маркиза, предателя короны, что ты имеешь с ним связь, и близкие ему люди на допросах подтвердили, я поверил всем доказательствам. Ведь камень правды никогда не лжет. Но они как-то научились обходить его... Я выясню, как именно.

— Камня с тобой не было, когда меня... — она сделала вид, что запнулась. На самом деле она не знала: её схватили, поймали, или что? Она сама сдалась?

— Нет. Доказательств полученных в дознании хватало.

— И ты решил не просто развестись, а выкинуть меня сюда?

— Ты сама умоляла суд, отправить тебя в доставшееся тебе по наследству поместье «Злачный Рай», и я дал согласие.

Он дал согласие! Ну надо же! Хоть за это спасибо, что не монастырь и не тюрьма, как сообщнице. Не ровен час, выяснится, что с камнем все в порядке, и тогда в его голове зародятся мысли о том, что все участники этого процесса говорили правду. И она не та, за кого себя выдаёт.

— Я не знаю, как мне тебя простить...

— Мы еще успеем вернуться засветло и...

— Нет. Я останусь здесь. Мне нужно... подумать обо всем. О той ситуации, в которой я оказалась... Я не могу так сразу простить тебя...

Знать бы еще, как его зовут. Но печальный вид ей сделать было нетрудно, она вспомнила, как с ней обошлась его копия постарше в её мире.

— Клависия. Душа моя... Я всё пойму... прости меня...

Ох, как запел. «Душа моя»...

Только ей не верилось. То искал любовника, готовый тут арестовать его, да еще и неизвестно, не отправили бы её в местную каталажку, окажись этот Маркиз здесь. А теперь поёт ей о любви. Какой переменчивый.

Кстати, где он? Виновник торжества.

Почему он не явился, ведь Клависия его точно должна была тут дожидаться?

— Я останусь. — сказала она ему, грустно глядя в пол. — Не могу вынести всех этих пересудов... Ты же знаешь, после развода, все обо мне судачат. Меня считают неверной, изменщицей.

Ой, надо было в театральные поступать!

Он сначала смотрел на неё, а потом отошел.

— Ты права. Ты во всем права, Клависия. Это огромная моя вина и только моя. Я позволил этому случиться. Ты можешь остаться здесь, а я... я пришлю тебе содержание. Прошу, не отказывай. Ты ведь подумаешь над тем, чтобы вернуться? Когда мы поймем Маркиза, я уверен, он во всем сознается. И в том, что пытался подставить именно тебя! Желу дознавателя, который ведет дело. Пусть сплетни и пересуды улягутся, тогда ты вернешься. Ты можешь поселиться в гостинице «Три Дракона». Я оплачу...

— Нет... — перебила она его. Какая еще гостиница? Где? — Я хочу остаться тут.

И вообще, это уже интересно. Клависия замутила с Маркизом, зная, что ее муж расследует дело против ее любовника. Ну вот что за женщина!

Теперь она и сама хотела взглянуть на этого героя любовника. Но это опасно, мало ли.

— Хорошо. Хорошо, я пришлю сюда господина Эклера.

В её животе заурчало от вкусного имени. Он вновь посмотрел на неё и воскликнул.

— Ты голодна? Конечно же! Вторые сутки как здесь совершенно одна! А где же Пикая?

— Кто это? — она хмуро спросила его.

— Женщина из деревни, которая должна была присматривать за Раем.

— Аа, это та, которой никто целый год не платил? Она прихватила мои вещи и уехала.

— Как это год? Год? Клависия, но ведь это ты должна была следить за этим.

И снова Клависия. Ох, и наследила она.

— Я? — она захлопала ресницами. Его взгляд сразу потеплел. Смотри-кась, повелся.

— Наверное, я что-то перепутала. Посчитал, что отправил сразу за год. Это всё так сложно...

— Не переживай, если ты за те платья...

— И украшения. — вставила она жалобно.

— Драгоценности? Она забрала у тебя драгоценности?

С чего он так переполошился? Разнервничался. Ему её побрякушек жалко стало?

Надеюсь, там не на несколько миллионов местными деньгами было. Так бы они и ей пригодились...

— Я всё решу, дорогая. — он решительно поднялся. — Жди господина Эклера.

И вышел.

Она вышла следом, провожая его взглядом. Не дойдя до ступеней крыльца, он остановился. Развернулся и пылко на неё посмотрел.

— Душа моя, я скоро вернусь!

А вот этого не надо...

Глава 7. Госпожа Сулари

Она проводила взглядом мужа Клависии, слегка озадаченная. Слишком уж неправильно всё было. Как-то не по людски.

Она не верила в его пылкие чувства к жене, но какую-то цель он явно преследовал. А играл-то как! Театр отдыхает. И она играла. Только ему невдомек, что вместо его любвеобильной женушки тут теперь другая.

Значит, это её поместье? И пшеница её? Нужно дойти до людей и всё расспросить. Кто же отвечал за поля, она не верила, что та бабка на такое способна.

Поэтому она вошла в дом, переделалась попримечнее, натянула старые ботинки. В домашних тапках по полям не погуляешь. А ботинки хоть и ношенные, но удобные, да и под длинным подолом не заметны.

Она не нашла, чем закрыть дверь. Ни замка, ни засова снаружи. Главное, внутри есть, а снаружи нет. Понадеявшись, что сюда не влезут воры, она просто прикрыла плотненько дверь.

За калиткой дорога вела справа налево, и куда идти, чтобы попасть в дома вдали? Эх, вся её жизнь наперекосяк. Всегда она делала только правильные шаги! Так что теперь пойдет уверенно налево. И пусть этот путь будет ошибочным, это же её выбор? А вообще она просто увидела, что вроде как левее дорога не уходит в лес. Значит, огибает поле и ведет к деревушке.

Она оказалась права. Впереди показались дома, которых она сразу и не видела. Деревня оказалась довольно большой, народу в ней находилось много. Некоторые останавливались и смотрели на неё удивленно, как на новые ворота.

Она же шла, надеясь увидеть хоть какой-нибудь сельсовет, или что у них тут бывает?

Она остановилась только тогда, когда перед ней показалась небольшая площадь. Тут продавали от коров до булочек. Ароматы и от первых, и от вторых стояли вполне себе реалистичные, настоящие.

— Булочки, госпожа! Угощайтесь!

— Леденцы! Сладости! Госпожа, подходите, покупайте, выбирайте!

Госпожа, конечно, только о леденцах и мечтала... В такую-то жару. Пить хотелось от одного взгляда на эти сладости.

— Уважаемая, а где у вас тут... эм-м-м... главный?

— Староста?

А, вон как у них тут председатели колхоза называются...

— Да-да, именно он и нужен.

— Дак вон там в конце площади большой дом. Там и староста, и стража.

— Благодарю. — улыбнулась она женщине и пошла в ту сторону.

Табличка на доме гласила:

"УПРАВЛЕНИЕ"

Она шагнула в распахнутые настежь двери и оказалась в прохладном помещении. Внутри оказались еще три двери, две были закрыты, а во второй раздавались голоса.

— Скоро платить налог, где твои стражи, никто еще не вернулся с поселений?

— Не так быстро. Если бы выделили хотя бы лошадей, Мальтих, мои стражники вынуждены проходить на своих двоих большие расстояния! Даже на порталные камни у тебя денег нет.

— У меня нет лишнего финансирования! — вскипел голос. — Почти всё уходит в казну, мы еле сводим...

Мужчина замолчал, потому что заметил её, возникшую в дверях. Он совсем не походил на того, кто сводит концы с концами. Обрюзгший, стареющий управляющий с седыми висками сидел во главе стола, а перед ним на большом блюде лежали горкой жареные ребра. У

неё аж желудок свело, да слюна чуть не закапала. Второй сидел напротив. Высокий, крупный, про таких говорят: косая сажень в плечах. Светлорусые волосы до плеч были собраны сзади, в светлой рубаше. На вид ему она бы дала лет тридцать. Он повернул голову в её сторону и проницательно посмотрел прямо в глаза.

— Чем могу служить, госпожа?

Видимо, по одежде определили, что не местная и не их сословия. Она выпрямилась и сделала шаг внутрь комнаты.

Староста, она верно предположила, это был именно он, поднялся, вытирая жирные руки о полотенце.

— Мне нужен староста.

— Я к вашим услугам. Только не здесь, пройдемте.

Он повел её в соседний кабинет, а спиной она чувствовала на себе взгляд того мужчины. Он говорил про стражей, один из них? Вполне может, он довольно крепкий. Намного крепче бывшего малохолного муженька Клависии. И старше. Она невольно сравнивала этих двоих.

— Позвольте представиться, староста Мальтих, госпожа...

— Клависия, я хозяйка «Злачного Рая».

Его лицо удивленно вытянулось, потом он закашлялся, а потом протер лоб чистой салфеткой, которую выудил из ящика стола.

— Вы с проверкой, госпожа Сулари? А где же Маркиз де Рото, он ведь обычно приезжал с проверками, или присылал поверенного за налогами.

Ого, вот уж про кого она не ожидала услышать.

Глава 8. Монеты и достоинство

Она, конечно, сделала умное лицо. Не говорить же ему, что этот Маркиз - её предполагаемый любовник, который куда-то сбежал и прячется от её мужа.

— Я приехала отдохнуть. — Она многозначительно обвела взглядом кабинет. — Сменить обстановку, провести как дела в моем... «Рае».

— Да-да... Я всё предоставлю, все отчетности. Мне еще вчера женушка говорила, мол, Пикая в спешке уехала и поминай как звали. Вы ее уволили?

— Она сама уволилась. — Она выпрямила спину. — Так что там с отчетами?

— Да-да... Вот. — перед ней легла тяжелая книга.

— Это...?

— Книга доходов и расходов за последние пять лет.

— Я возьму с собой. Здесь я бы хотела пройтись, осмотреть... всё.

— Да-да. Я... А вот... начальник стражи поселений, он вам расскажет последние новости. Я... У меня...

«Рыльце в пушку» — подумала она, но в ответ лишь улыбнулась.

— Вы очень любезны. А еще подготовьте мне то, что вы всегда отдавали Маркизу. Сейчас.

Он выпучился на неё, а потом медленно поднялся, снял с шеи ключ от сейфа, который стоял тут же в углу. Открыв его, стал доставать мешочки. Полные, тяжелые мешочки с... золотыми монетами.

Ого... И что она будет делать с этим богатством? И много тут, интересно?

— Тогда вам точно понадобится Роберин. Он будет охранять вас.

За спиной послышались тяжелые шаги. Это тот второй, она кожей чувствовала.

— Я сопровожу, тем более это моя прямая обязанность служить вашей семье, госпожа. — хмуро произнес он. — Но...

— Но... — повторила она, обернувшись в поворот.

— Не считите за наглость, оплатите долги по жалованию моих людей.

Она от такого «но» чуть не закашлялась. Вот наглец.

— Вашим людям, правда, не заплатили? — повернулась она к старосте, а тот уже сел обратно в своё кресло, вытираясь платком.

— Т-только за последний месяц. Вот, вам готовил в казну сдать. А господину Инваро было сказано, что оплата будет в следующем месяце, вот только зерно соберем, перемолотим, да продадим. Если останется, то...

— Что значит, если останется? Дела настолько плохи? — она поднялась. Скрестила руки на груди и строго посмотрела на него. — Так. Сколько там должны? Этого хватит?

Она отодвинула один мешочек в сторону.

Мужчина подошел, и своей рукой придвинул еще два к тому мешочку.

— Еще лошадей, корм для них и починку крыши нашей казармы.

— Хорошо. — согласилась она, надеясь, что он не соврал. Но что делать? Не хватать же тяжелые мешочки и не уносить ноги. Только народ смешить. Она тут хозяйка, надо как-то с достоинством выходить из ситуации.

— Заодно найдите и мне кто займется починкой дома.

Он удивленно глянул на неё. Потом призадумался.

— Я думал, мне показалось, что там кто-то есть.

— Я останусь тут на некоторое время. Возможно, на долгое время.

Староста икнул от неожиданности, а этот Наглец Инваро приподнял иронично бровь.

— Вы не сможете жить здесь, даже если вам отстроят новый дом.

— Это почему же?

— Такой госпоже нечего здесь делать. Ваша кожа не видела открытого солнца, а руки не поднимали ничего тяжелее ложки. Тут нет лишних людей прислуживать вам, а прислугу вы с собой не привезли.

Наглец и мужлан. Неотесанный. Он её белоручкой назвал? Ха!

Глава 9. Покупочки

Пока она прикидывала в уме, как ей мешочки все взять и каким образом вообще носить с собой, Инваро сграбастал 2 из них и сунул их в маленькую напоясную сумку, которая больше напоминала рюкзачок для смартфона, какие шьют в нашем мире. Самое удивительное, что эти два мешочка превосходили размером эту сумку и сама она даже ни на сантиметр не расширилась.

— Это... — Она закашлялась, стараясь не выпучиваться слишком сильно. — Очень удобно.

— Ваши я тоже возьму для полной сохранности. — Вроде как предложил, а вроде и поставил перед фактом.

Она кивнула в знак согласия. Ну не обманет же он её. В конце концов, слуга народа, главный страж и так далее. Когда они вышли из Управления, её снова окунуло в летнюю жару. Ох, как хорошо было в помещении.

— Куда теперь? Вы что-то прикупить хотели?

Она бесцельно ходила по площади, присматриваясь к товарам. Не мешало бы и купить что-нибудь. Только она в деньгах не разбиралась. Стала присматриваться, кто что почему покупает. В принципе ей пока много не надо, она список покупок как-то не составляла. Возьмет, может, что-то на первое время, потом еще придет. Недалеко же.

— Мне нужен замок. Засов на дверь. Она снаружи ничем не закрывается, а оставлять дом постоянно открытым не дело.

Он на неё странно глянул, но ничего не сказал. Немного подумал, и когда они дошли до выпечки, от которой её желудок свело, сказал:

— Насчет замка я знаю, к кому обратиться. Будет завтра замок. Что-то еще?

— Не знаю. Пока еще не думала.

Он остановился перекинуться парой слов как раз рядом с этими булочками. Ой, она не хотела выглядеть оголодавшей дворянкой. Гордо прошла мимо и увидела расшитые, кожаные ботинки ручной работы, очень красивые.

— Подходите, госпожа! — Улыбалась розовощекая женщина. — Подберем и вам пару! Мой муж шьет, очень удобные, кожа добротная.

— И расшивает сам? — Она взяла в руки один, по краям шел красивый узор красной нитью. Пошито, действительно, качественно, красота такая. У неё в родном мире за такие не одну зарплату пришлось бы выложить. А тут вон всё ручного производства.

— Нет, украшаю я. Дочка помогает, но как замуж вышла, уже реже.

— Примерить дадите?

— Конечно, проходите сюда за прилавок.

На неё глазели любопытные взгляды. Ни разу, наверное, госпожу покупающую на рынке не видели.

Хорошо, что платья длинные, своим подолом она уже успела изрядно подмести эти улицы. Но под ним хоть не видно истоптанной обуви, которая ей досталась.

Она примерила, ботиночки оказались в пору.

— Я возьму их. — Взглядом она искала, где же этот страж порядка... с её деньгами... Ой, дурочка, он же запросто мог уйти и всё, иди свищи его.

Рядом продавались ткани, она сделала вид, что рассматривает их.

— Я могу сшить любое платье. — несмело сказала торговка, а ее тут же засмеяла булочница, которая за ними с интересом наблюдала.

— Олиса, куда тебе шить для господ! Ты такие фасоны отродясь не видела. Хах.

Вот же, баба какая вредная.

— Я бы с удовольствием встретила с вами в другой день. Сейчас немного неудобно, я с другой целью пришла в поселение. — Олиса на неё удивленно уставилась, не ожидала её ответа? Думала, она откажется?

— Вы уже выбрали что-нибудь, госпожа Сулари? — раздался за спиной голос. Все любопытствующие сразу нашли себе дела. Все ж таки этот страж имеет тут вес. И... зря она думала, что он сбежал. Вот он стоит... (чуть не сказала родненький).

— Да, оплатите, пожалуйста, мою покупку. Из моих денег, разумеется.

Он невозмутимо залез рукой в поясную сумку, достал оттуда одну золотую монету, отдал ее женщине, а та стала искать сдачу.

Так, на золотую можно купить обувь, еще и сдачу дадут. Она отметила про себя. Женщина отсыпала в его ладонь монеты, и широко улыбнулась.

— Обращайтесь еще, госпожа, и носите с удовольствием!

— Спасибо. — она повернулась к женщине с тканями. — Вы знаете, где я живу?

Та кивнула.

— Приходите завтра... утром, мы поговорим насчет платьев.

— Да, госпожа Сулари. Я приду. — глаза ее загорелись радостью.

— Могу предложить отведать сладости, их делает моя знакомая, очень вкусно. — снова голос стража, который теперь не отходил.

Сладости... Ей бы мяска, жареного, с лучком, с кетчупом... эх.

— Хорошо, отведаем ваши сладости.

На рынке они еще останавливались два раза, она заприметила платки, купила парочку. А то на таком солнце все волосы выгорят, а у неё во дворе много работы. Потом остановились у сельхозинвентаря. Она прикинула, что ей надо, но сначала бы в доме разведать, что имеется. А потом прийти сюда.

Когда они дошли до сладостей на краю рынка, тут толпился народ. В основном с детишками.

— Да тут аншлаг. И почему она стоит в таком месте, а не в центре? Я смотрю, сладости популярны.

— Ну это вы у старосты Мальтиха спросите. Он не дает Равенне место на площади.

— Личное? — она с любопытством посмотрела на девушку, которая успевала раздавать петушки-леденцы, сладкие булочки и пирожки.

— Можно и так сказать. Пойдем-те. — Он полез вперед без очереди. Она только хотела его окликнуть да вовремя осеклась. Во-первых он главный страж, во-вторых она тут вроде хозяйка райских угодий, полей и огородов. Будет странно стоять в конце очереди в глазах местных. Хотя она бы постояла, ничего не отвалилось бы.

Он прошел к самым прилавкам, толпа отеснилась пропуская их. Никто не выглядел недовольным, только разглядывали её во все глаза, да улыбались и приветствовали.

— Равенна, угостишь госпожу Сулари своим фирменным пирогом? Она печет, пальчики оближешь. А еще дает имена своей выпечке. Этот пирог называется Шарлотка! — с такой гордостью сказал он, словно она на него патент оформила в этом мире на шарлотку.

Что он сказал? У неё чуть челюсть не упала! Это же пирог из её мира! Она так распереживалась. Девушка ничем не отличалась от местных. Ничем не выдавала своё «земное» происхождение. Может, она ошибается? Совпадение?

Им выдали по куску пирога, остальное страж прихватил с собой. Они отошли в тенек чуть подальше.

— М-м-м. — он ел с таким звуком, будто не ел сто лет ничего вкуснее.

Но пирог и правда был вкусным. На удивление не приторным, в меру сладким. Её голодный желудок, конечно, хотел мяса, но пирог тоже понравился.

Хоть наестся. До завтра можно о еде не думать.

— Теперь куда?

— Мне нужны продукты. Где я могу купить муку, растительное масло, яйца, мясо?

Он задумался на мгновение, потом кивнул.

— Я найду всё это и вам принесут домой, госпожа Сулари. Оставлю эти монеты на продукты. — он показал сдачу, которую не вложил в сумку, а держал в кармане. Если хотите, могу договориться о ежедневной поставке свежих продуктов.

— О, даже так можно? Хочу. — потом она запнулась. — Если это не сильно дорого и не затруднит вас.

— Не затруднит. — улыбнулся он. Про «несильно дорого» промолчал.

Проводив её практически до крыльца, он осмотрелся кругом. Да, картина впечатляющая. Без него она знала.

Двор заросший, крыльцо нуждается в починке, как и дом. Пристройек толком нет. Внутри тоже не ахти. Ремонтик бы, освежить побелкой, да так по мелочи.

Потом он глянул на дверь, которую она дёрнула несколько раз, чтобы она открылась.

Он попрощался и ушел, отдав ей её золотые запасы и оставшуюся часть пирога.

Вот спи теперь, Клава, и бойся, что ограбят. Зато не голодная.

Глава 10. Анонимные попаданки

Клава прошлась по дому, закрывшись на засов. Не знала, куда спрятать мешочки с монетами, под матрас смешно, там и будут искать, если решат её обокрасть. Что если сделать это не в доме? Она выглянула в окно, не ошибается ли кто-то рядом.

Боже, с такой подозрительностью она с ума сойдет. Она отодвинула засов и вышла во двор, в пристройке жалобно блеяла коза.

— Так, мать... Ты явно не достаешь до травки, давай я тебя перевяжу... Или веревку удлинить? Я бы тебя отпустила, но совершенно не знаю, что с тобой потом станет? А с ним?

Она посмотрела на козленка. Он крутился рядом с матерью. Коза послушно пошла за ней, когда она, сгрудив в траву свои «сокровища», отвязала её и повела к другой полянке. Неплохо было бы просто огородить небольшой загон, и пусть пасется себе.

Она решила подумать над этим на досуге. Перевязав козу так, чтобы та в случае чего могла скрыться под навесом, но при этом и полежать в свежей траве, где еще не топтались её копытца, она вернулась к своим вещам. Потом осмотрела навес. А что, нормальное временное укрытие... Не только для козы. Дома она, кажется, видела один старый котелок за печью, где лежал козленок. Не еду же в нем варить в самом деле, она на такое дело не рискнула его использовать. Она принесла его под навес и, увидев небольшую брошенную мотыгу под старой травой, обрадовалась!

А ей крупно повезло!

Она вырыла ею кое-как ямку. Она и копать-то толком не умела, но ничего, молодая, руки-ноги на месте.

Сложила в ямку котел, а в него мешочки с деньгами, отсыпав немного себе на первое время. Накрыла сверху старой ветошью и присыпала землей, дерном с травой.

Потом отошла на пару шагов, любуясь. Вот, вообще не видно, что там её клад.

Главное самой не забыть, хмыкнула она под нос.

На следующее утро она обнаружила у крыльца корзину с провизией: муку, масло, яйца и даже кусок мяса, завернутый в пергамент. Роберин сдержал слово.

— Ну что ж, — потянулась она, глядя на зарю. — Начнем с завтрака. Всё не так плохо!

Она не стала разжигать печь, соорудила на улице импровизированный мангал. Отмыла небольшой казанок, нашла несколько глубоких глиняных тарелок и деревянные ложки. В первый раз она отмывала стены, мебель и пол. Теперь добралась до скромных запасов посуды.

Пока варилась каша (оказывается, в этом мире есть нечто вроде овсянки), она прибиралась в доме и размышляла о вчерашнем.

"Шарлотка" от Равенны... Совпадение? Не верится. Надо бы навестить булочницу. Если та и правда из её мира, то они здесь вдвоем, застрявшие в этом средневековом квесте.

Калитка скрипнула. На входе стояла Олиса, робко улыбаясь:

— Госпожа Сулари, я принесла образцы тканей...

— Заходи! — махнула она рукой, чуть не уронив ложку в казанок, в котором как раз перемешивала кашу. — И хватит этого. Я не "госпожа". Зовите меня Клавой, Клавдией Витальевой.

Она замерла, кажется, сказала лишнее. Она настороженно глянула на Олису.

Ее глаза округлились. Шагнув ближе, она прошептала:

— Вы... тоже оттуда?

— Откуда? — переспросила она.

— Из 2020-го.

Клава уставилась на нее удивленно.

— 2025.

Олиса ахнула и схватила её за руку:

— Боже, я здесь уже пять лет! Думала, сойду с ума одна!

— Как... это случилось?

— Неудачная операция. — Грустно ответила она. — Теперь я швея, которая еле сводит концы с концами. Местные фасоны шить не особо получается, за эти пять лет, я не особо обзавелась клиентками, так что продаю ткань, кружева, которые привозит хозяин лавки, где я работаю.

— Вот так дела... Как тебя зовут по настоящему? Алиса?

Она кивнула.

— Я так и подумала, наши имена с местными... девушками, в чье тело мы попали, похожи. Я Клавдия, Клависия по здешнему.

Она закивала и бросилась к ней обнять.

Она растерянно раскинула руки и похлопала её по плечам.

— Ну всё, всё, тебе лет-то сколько было?

— Пятнадцать...

— Бог ты мой. Совсем ребенок. И никто не узнал, что ты не она?

Они с Олисой вместо примерок просто разговаривали о том, как ей жилось в этом мире, чем она занималась здесь. Позавтракали заодно, и Олиса подсказала, как сохранить продукты свежими. Оказывается, даже Клава могла произнести простое заклинание и оно сработало.

А вот признаваться о том, что они не те, за кого себя выдают, ни в коем случае нельзя. Попаданцев судят. Даже не смотря на то, что их вины в попадании сюда нет.

Глава 11. Анонимные попаданки -2

Клава молча перемешивала кашу в казанке, давая Олисе-Алисе успокоиться. Пятнадцать лет... Да она в её годы только школу заканчивала! А та – в чужом теле, в чужом мире, без семьи, без друзей. Сердце сжалось.

— Никто не узнал, — всхлипнула девчонка, утирая рукавом слезы. — Олиса упала с лестницы в мастерской, ударилась головой. Очнулась уже я на ее месте. Мастер, у которого она работала, решил, что память отшибло. А потом... Потом я просто старалась не выделяться. Шила что просили, как могла. — Она горько усмехнулась. — Только фасоны у меня получались... странные. Местные барышни хотят платья с турнюрками и шнуровками до потери пульса, а я им про силуэт "ню-лук" Диора заикаюсь! Смеялись. Вот и торгую теперь тряпьем на рынке.

— Турнюры? — Клава фыркнула, подливая ей в глиняную чашку травяного чая. — Да уж, знатный прогресс. А я вот козу пасти учусь. И деньги в землю закапываю, как белка орехи. — Она кивнула в сторону навеса. — Там, под дерном, в котелке, мое состояние. Главное, козу туда не привязывать, а то выкопает своими копытами. Она у меня умница, но любопытная.

Алиса засмеялась.

— О, госпожа Клава! Вы как глоток воздуха! Я пять лет боялась слово лишнее сказать, а тут... — Она вдруг насторожилась, оглянулась на закрытую калитку и понизила голос. — Но вы правы, надо быть осторожнее. Если узнают, что мы не местные... Особенно ваш... муж. Инквизитор. — Олиса произнесла это слово с суеверным страхом. — Говорят, он чувствует ложь за версту. Даже без камня.

— Чует, чует, — проворчала Клава, снимая казанок с огня. — Так и норовит под нос свой орлиный сунуть. Но пока держимся. — Она разлила кашу по мискам. Аромат овсянки с щепоткой местных солоноватых трав (оказалось, вполне съедобных) разлился вокруг. — Так, Алиса. Давай по порядку. Ты здесь пять лет. Значит, знаешь правила. Что можно, что нельзя? Магию вот упомянула... заклинания? Серьезно?

— О, да! — глаза Алисы загорелись. — Не вся, конечно, и не у всех. Но простые бытовые штуки... вот, смотрите! — Она сосредоточилась, шепнула что-то на странном певучем языке, и провела рукой над своей еще горячей миской. Тонкая струйка пара над ней вдруг... замерла, будто уперлась в невидимый купол. Каша перестала дымиться. — Охлаждение. Элементарно. Этому даже дети учатся. Нужно для трав, цветов... да и супом не обожжешься.

Она уставилась на замерший пар, потом на Алису. В голове стучало: "Магия. Настоящая магия. И я могу этому научиться?". Пенсионерка из Воронежа, ветеран административного труда, вдруг может колдовать? Это круче, чем курсы компьютерной грамотности!

— Научи, — выпалила она. — Первым делом охлаждающее. А то мясо вчерашнее скоро протухнет, а Роберин его так старательно принес.

— Конечно! — Алиса оживилась. — Слова простые: "Аэрис фигово". И представляйте, как холодок опускается сверху. Вот так... — Она стала терпеливо объяснять артикуляцию и движение рук.

Она попробовала. Шепнула, махнула ладонью над своим котелком... Ничего. Парок так и вился.

— Не беда! — успокоила Алиса. — С первого раза редко у кого получается. Практика нужна. И... расслабленность. Вы слишком напряжены, госпожа Клава. Бойтесь ошибиться.

Она была права. Клава боялась. Всего: мужа-инквизитора, пропавшего Маркиза, козы, которая могла сорваться с привязи, голода, разоблачения... Даже этих дурацких монет в земле. Как жить в таком мире, где все чужое и опасное?

— Расслабиться тут сложно, детка, — вздохнула она, отодвигая миску. — Особенно когда знаешь, что твой "муж" уже что-то заподозрил. И этот камень его... Фуфлю какое-то! В нашем мире детекторы лжи и то врут!

— Камень Правды не врёт, — серьёзно сказала Алиса. — Он реагирует на убежденность говорящего. Если вы сами верите в то, что говорите, даже если это неправда... камень молчит. Или светится ровно. А вот если вы врете сознательно, зная правду... тогда он загорается ярко. Ваш муж... Клейтон Сулари... он мастер заставлять людей сомневаться в себе. И тогда камень выдает их.

Вот оно что! Значит, её "игра" перед Клейтоном сработала потому, что она сама верила в свой страх и растерянность! А когда она назвала его "франтом" — это была чистая правда по её меркам.

— Полезная информация, — кивнула она, чувствуя, как в голове складывается план. — Значит, главное — не сомневаться в своей роли. Я — Клависия Сулари, несправедливо обвиненная дама, которая решила зализывать раны в своем поместье. И точка. А ты, Алиса, моя новая подруга и поставщица тканей. Никаких "2020" и "2025".

— Да, — твердо кивнула девушка. — Я поняла. И... спасибо. За завтрак. И... за то, что вы есть.

После ухода Алисы она почувствовала необычайный прилив сил. Она была не одна! Появился союзник, источник информации и даже... учитель магии. Пусть пока только охлаждающей.

Она вышла во двор, глядя на свою рогатую скотинку. Коза блаженно жевала траву, козленок резвился рядом.

— Ладно, мать, — сказала она решительно. — Хватит тебе на веревочке болтаться. Будем строить загон! И тебе простор, и мне спокойнее.

Она взяла ту ржавую мотыгу, найденную под навесом, и пошла к краю двора, где трава была особенно густой. Место подходящее и тень от деревьев, и земля мягкая. Она начала копать, втыкая мотыгу в дерн и откидывая пласты земли. Работа была тяжелой, непривычной. Спина заныла, ладони быстро покрылись волдырями. Но она копала. Метр за метром.

Она, Клавдия Витальевна, пенсионерка, пережившая измену мужа, смерть и попаданчество. Она переживет и это. И построит себе в этом "злачном раю" нормальную жизнь. С козами, магией и, возможно, даже без инквизиторов на пороге.

А где-то вдалеке, за полями, уже скакал всадник в черном плаще. Клейтон Сулари. Она узнала его по одежде. Вот... помяни черта, он тут как тут.

ТЬФУ!

Глава 12. Встреча с прошлым, которого не было

Мотыга выпала у неё из рук, глухо стукнув о ком земли. "Черт, черт, черт!" – пронеслось в голове. Ладони горели от волдырей, спина ныла, а она стояла посреди своего начатого загона, вся в земле и поту, с видом пойманной на месте преступления...

Клейтон подъехал к калитке. Его черный конь нервно переступал копытами, будто чувствовал напряжение хозяина. Сам инквизитор выглядел с иголочки. Острым и оценивающим взглядом он скользнул по двору: закопченный казанок у потухшего костра, разбросанные инструменты, полувыкопанную канаву, её – перемазанную, с растрепанными волосами, перехваченными тем же грязным поясом. И козу, которая, почуяв незнакомца, тревожно заблеяла и потянулась к козленку.

Он спешил, не торопясь привязал коня к столбику калитки, и шагнул во двор. Его черный плащ мягко колыхнулся. На груди, поверх темного камзола, тускло поблескивал тот самый Камень Правды в серебряной оправе.

— Клависия, — ровно и на этот раз без пафоса произнес он. — Я не ожидал застать тебя за... земляными работами.

Она собрала всю свою волю в кулак. Она — Клависия. Обиженная. Здесь, чтобы прийти в себя. И ей плевать, что он думает о её грязи. Она сделала вид, что вытирает лоб тыльной стороной руки (о боже, еще больше грязи!), и нарочито спокойно ответила:

— А что мне еще делать, Клейтон? Сидеть в пустом доме и лить слезы? Пикая сбежала, прихватив все, что плохо лежало. Хозяйство в запустении. Козу кормить надо. Вот и осваиваю новые... умения. — Она махнула рукой в сторону канавы. — Загон строю. Чтобы не на веревке, как пленницу, держать.

Его взгляд на мгновение задержался на её красных натертых ладонях, потом поднялся к лицу. Камень на его груди не вспыхнул. Она верила в то, что говорила. Каждая буква была правдой, её правдой этой ситуации.

— Я прислал бы людей, — сказал он, делая шаг ближе. — Ты могла сообщить, что тебе нужна помощь, через главу стражи.

— Роберин – начальник стражи, а не мой дворецкий, — парировала она, стараясь не отступать. — Он и так помог с провизией. Неудобно постоянно беспокоить. Я сама справлюсь.

Она — Клависия. Гордая. Обиженная. Независимая. Он её именно такой и должен знать. Он помолчал, его глаза продолжали сканировать её.

— Ты изменилась, Клависия, — произнес он наконец.

Сердце екнуло. Вот оно. Ловушка. Надо было ответить так, чтобы и правдой звучало, и не выдавало её. Она вспомнила слова Алисы про Камень и убежденность.

— Падение с такой высоты, Клейтон, — она горько усмехнулась, глядя ему прямо в глаза, — из столичной дамы, жены влиятельного дознавателя, в опозоренную изгнанницу в заросшем поместье... Оно меняет. Либо ломает. Либо... заставит искать точку опоры вот здесь. — Она ткнула носком стоптанного башмака в землю у своих ног. — В земле. В простой работе. В этом "Злачном Рае". Я выбираю не ломаться. Даже если для этого мне придется научиться копать, как последняя крестьянка. Это унижительно? Возможно. Но это мое унижение. И я с ним справлюсь сама.

Она вложила в слова всю горечь и обиду Клавдии Витальевны на своего Дмитрия, на его измену, на брошенность в старости. И всю свою яростную решимость выжить здесь и сейчас, несмотря ни на что. Она верила в это. Камень Правды оставался тусклым, лишь слабо мерцающая в такт её словам.

Клейтон смотрел на неё. Что-то промелькнуло в его глазах – удивление? Уважение? Сожаление? Разобрать было невозможно.

— Я не хотел... чтобы тебе было так тяжело, — произнес он, и в его голосе впервые прозвучала неуверенность. — Твоя поездка сюда... это была попытка найти убежище, пока все уляжется. Не наказание.

— Очень похоже на наказание, — холодно парировала она. — Особенно в исполнении твоей сестры. Она, кажется, считает, что монастырь был бы для меня милостью.

Он нахмурился. Да, да, она узнала, что у него была сестра. И раз она до сих пор еще не объявилась, значит с Клависией точно не подружки. И попала в точку своим предположением.

— Гиления... Она всегда была слишком ревностна в защите семьи. Я поговорю с ней. — Он сделал паузу, словно колеблясь. — Я привез кое-что. Деньги, твои вещи... — Он махнул рукой в сторону коня. К седлу был приторочен небольшой плотный тюк.

Её сердце бешено заколотилось. Вещи Клависии! Возможно, что-то полезное! Но она сдержала порыв броситься к тюку. Она сохраняла образ обиженной, но гордой дамы.

— Благодарю, — сказала она сдержанно, даже чуть свысока. — Оставь у крыльца. Я разберусь позже. Сейчас я... не в том виде, чтобы принимать подарки.

Он кивнул, снова бросив взгляд на её грязные руки и одежду. Потом его взгляд упал на дымящийся котелок с остывшей кашей.

— Ты ела это? — удивленно спросил он.

— А что? — ответила она. — Перед тем как ты появился и напомнил мне о моем не слишком аристократическом виде, это было вполне себе съедобно. — Она намеренно подчеркнула последние слова. Пусть чувствует себя неловко.

Он снова кивнул, на сей раз более сдержанно.

— Я не буду тебя задерживать. Но я должен задать тебе еще один вопрос, Клависия. — Его голос снова стал жестким, профессиональным. Рука непроизвольно коснулась Камня на груди. — Маркиз Муар де Рото. Ты уверена, что не знаешь, где он может быть? Никаких записок? Никаких намеков перед твоим отъездом? Ничего?

Это был прямой удар. Проверка на прочность. Она собрала всю свою волю. Она не знает никакого Маркиза. Она не знает. Она не знает. Она заставила себя поверить в это абсолютно. Она — Клавдия, которая только что копала землю. Какой ей Маркиз?

Она посмотрела ему прямо в глаза, чистосердечно удивленно подняв брови.

— Клейтон, — сказала она с легкой усталостью и раздражением в голосе, — о каком Маркизе может идти речь после всего, что случилось? После обвинений, позора, развода? Думаешь, я стала бы рисковать остатком своего достоинства и этого... этого клочка земли, пряча твоего врага? Я хочу только одного — чтобы меня оставили в покое. Чтобы забыли. Чтобы ты, твои коллеги, твоя сестра и этот проклятый Маркиз исчезли из моей жизни. Навсегда. Поэтому нет. Никаких записок. Никаких намеков. Ничего. Я понятия не имею, где он, и знать не хочу.

Она говорила жарко, с искренней обидой и усталостью. Камень Правды на его груди не вспыхнул. Её убежденность была непоколебимой. Для неё Маркиз действительно был лишь частью чужой опасной истории.

Клейтон замер. Его лицо стало непроницаемым. Он долго смотрел на неё, потом на Камень, потом снова на неё. Казалось, он что-то взвешивает.

— Хорошо, — произнес он наконец безэмоционально. Скорее всего он надеялся в чем-то её уличить снова, но не вышло. Через мгновение добавил: — Я верю тебе. На сей раз. — Он повернулся, чтобы уйти, но остановился. — Будь осторожна, Клависия. Даже здесь. Де Рото... он хитер и опасен. И он знает о тебе. О том, что ты здесь.

Он не стал ждать ответа. Отвязал коня, ловко вскочил в седло и, не оглядываясь, ускакал прочь, оставив её стоять посреди двора с колотящимся сердцем, грязными руками и тюком неизвестных вещей у крыльца.

"Он знает о тебе". Слова повисли в воздухе. Вот уж что её не успокаивало! Клейтон поверил Камню. Поверил ей. Но предупредил. Значит, опасность реальна. И она где-то рядом.

Она подошла к тюку, развязала веревки дрожащими пальцами, предварительно очистив их подолом. Внутри аккуратно сложенные платья попроще, чем те, что остались в сундуке, теплое шерстяное одеяло, пара книг в кожаных переплетах... и небольшой, но тяжелый деревянный ящичек с замочком. Ключ торчал в скважине.

Она открыла его. Внутри, на бархатной подкладке, лежали не украшения, а... инструменты. Аккуратные, стальные, с деревянными ручками: ножницы, несколько игл разного размера, наперсток, маленькие щипчики, мотки прочных ниток. Набор портного? Клависия шила?

Коза громко заблеяла, требуя внимания. Она вздохнула, подняла мотыгу и пошла к незаконченной канаве. Жизнь в "Злачном Рае" обещала быть еще интереснее. И опаснее. А доить козу так и не научилась.

Глава 13. Иголки, нитки и назойливые вопросы

Коза бляла настойчивее, словно понимала, что драматический момент миновал, и пора вернуться к насущному – ее вымени и загону. Клава взглянула на неё. Может попробовать подоить?

— Ладно, мать, — вздохнула она. — Твоя очередь. Но сначала... — Она сунула ящичек обратно в тюк, замотала все в холстину и затащила внутрь дома, убрав подальше в угол спальни. Потом схватила самую большую кружку, какую только нашла, и направилась к козе. — Там же ничего сложного? Щас, родная, щас. Только не брыкайся.

Опыт доения у неё был нулевым. Теория из книжек да фильмов. Она присела на корточки, неуклюже обхватила вымя... Коза нервно дернулась.

— Тпру-у-у, красавица, — заворковала она самым ласковым голосом, какой смогла изобразить. — Дай молочка хозяйке... Ай!

Мощный пинок задней ногой едва не отправил её кувырком. Кружка полетела в сторону. Она сидела на земле, ошеломленная, глядя на упрямую козу.

— Ну и характер! — фыркнула она, потирая ушибленный бок. — Ладно, договорились. Твоя взяла. Пока. Но я еще вернусь!

Загон. Надо закончить загон. Хотя какое-то подобие контроля над этой рогатой фурией. Она снова взялась за мотыгу. Боль в ладонях от свежих мозолей была острой, но она стиснула зубы, обхватив тканью руку.

К полудню жалкое подобие загона было готово. Она втокнула туда козу и козленка. Коза ткнулась носом в прутья, слабо, но держалось. Покосилась на неё, бляла неодобрительно, но принялась жевать траву внутри периметра. Клава надеялась, что малыш от мамы не сбежит. Потому что ему этот заборчик вообще никакая не преграда.

Только тогда она позволила себе развязать тюк и подробно всё осмотреть. Платья были добротными, нашлись и шерстяные, теплые, явно для сельской жизни, не для балов. И значит, здесь всё-таки существуют холода. Одеядло — настоящая роскошь в этом продуваемом доме. Книги... Одна была сборником местных трав и их свойств, другая томом скучнейших придворных хроник. А ящичек...

Она снова открыла его. Острые, блестящие ножницы. Иглы самого разного размера, от крошечных до толстых, для грубой работы. Нитки хорошие, прочные, льняные и шерстяные, разных цветов. Наперсток. Щипчики... и маникюрная пилочка. Все аккуратное, качественное. Не похоже на случайный набор. Клависия? Может, у нее было такое хобби?

Разобрав вещи, она наконец подошла к казанку с кашой. Проголодалась зверски. Завтрак с Алисой казался давним прошлым. Присела на крыльцо с миской. Кашу хоть и подогрела, но она была пресной и слипшейся, хотя и съедобной. Но выбирать не приходится.

"Аэрис фигово", — пробормотала она, глядя на нее. Ничего. Парок не замерз. Расслабься, Клава. Она закрыла глаза, представила прохладный горный ветерок, опускающийся на миску... Шепнула заклинание еще раз, робко махнув рукой.

Она открыла глаза. Парок все так же вился. Но... миска показалась чуть менее горячей? Или показалось? Она ткнула ложкой. Да, чуть остыла! Не кардинально, но прогресс! Надо практиковаться.

Вдруг калитка скрипнула. Она вздрогнула, чуть не выронив миску. На пороге стоял Роберин Инваро. Высокий, в своей практичной рубахе и походных штанах, с тем же напоясным мешочком. На его лице читалось удивление.

— Госпожа Сулари? — Он окинул взглядом двор: выкопанный загон с бляющей козой, её, сидящую на крыльце с миской каши, разбросанные инструменты. — Я... принес продукты. Как договаривались. И замок для двери. Простой, но надежный. — Он показал увесистый

железный замок с ключами. — Староста Мальтих просил передать отчеты по полям. — Он достал из мешочка пачку пергаментов. — И... — он немного смутился, — узнал, что Пикая ушла. Если нужно... я могу прислать кого-нибудь помочь по хозяйству. Из деревни. На время.

Она встала, отставив миску. Ладони горели, спина ныла, но она выпрямилась.

— Благодарю, господин Инваро. Замок это прекрасно. Отчеты я посмотрю. Продукты жизненно необходимы. — Она кивнула на корзину, которую он поставил у калитки. — А насчет помощи... — Она посмотрела на свой загон, на козу, на мотыгу. — Пока справляюсь сама. Но если понадобится, не постесняюсь попросить.

Его взгляд скользнул по её забинтованным ладоням (она нашла чистую тряпицу и кое-как обмотала мозоли), потом перешел к загону.

— Это... ваша работа? — спросил он, и в его голосе прозвучало что-то вроде уважительного недоумения.

— Моя, — подтвердила она с гордостью, которой почти не чувствовала, но старалась изобразить. — Чтобы рогатая фурия не разнесла все хозяйство.

Он усмехнулся.

— Госпожа... Инквизитор Сулари был здесь сегодня утром.

— Был, — подтвердила она спокойно. — Привез мои вещи. И... предупредил. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Сказал, что Маркиз де Рото знает, что я здесь. И что он опасен.

Лицо Роберина стало каменным. Все следы недавней теплоты исчезли.

— Он сказал правду. Де Рото – змея. Хитер, безжалостен и имеет длинные щупальца. — Он шагнул ближе, понизив голос. — Вы не должны оставаться здесь одни. Особенно ночью. Этот замок... — он кивнул на железную скобу в руке, — ...это хорошо. Но недостаточно. Я выставлю патруль. Хотя бы одного человека на ночь.

— Патруль? — Она нахмурилась. — У моего дома? Это... не вызовет лишних вопросов? Люди будут говорить.

— Пусть говорят, — резко ответил Роберин. — Лучше сплетни, чем... — Он не договорил, но смысл был ясен. — Моя обязанность – обеспечивать безопасность в поселениях. А вы, госпожа, теперь часть этого поселения. И ваша безопасность теперь моя забота. Особенно после предупреждения инквизитора.

Он произнес это слово с едва уловимым пренебрежением.

Она почувствовала, как по спине снова побежали мурашки. Реальность угрозы, озвученная таким человеком, как Роберин, была куда весомее, чем слова Клейтона.

— Хорошо, — согласилась она тихо. — Патруль на ночь. Спасибо.

Он кивнул.

— Я все организую. Замок установлю сейчас. А вы... будьте осторожны. Не открывайте никому после заката. И... — он немного помедлил, — если увидите что-то подозрительное, любого незнакомца, сразу подайте сигнал. Кричите. Стучите чем-нибудь громко. Патруль будет рядом.

Он принялся прилаживать скобы для замка к двери, работая уверенно и быстро. Она стояла и смотрела, чувствуя смесь облегчения и новой тревоги. Защита это хорошо. Но сама необходимость в ней... Опасность была не абстрактной. Она была рядом. Где-то в тени деревьев, за полями, в темных углах этого странного мира. Маркиз де Рото знал, где она. И он знал, кто она. А вот она его совсем не знала.

Глава 14. Новые страхи

Роберин установил замок быстро и профессионально. Проверил, как он закрывается и открывается, вручил ей два холодных железных ключа.

— Один спрячьте. На всякий случай, – посоветовал он. – Патруль подойдет с заходом солнца. Его зовут Дарк. Не разговорчив, но надежен.

Она поблагодарила еще раз. Он кивнул, окинул двор последним оценивающим взглядом, посмотрел на козу в загоне, инструменты, корзину с провизией у крыльца и ушел. Оставив её наедине с наступающими сумерками и нарастающей тревогой.

Первым делом она заперла калитку изнутри на щеколду, слабая защита, но хоть что-то. Потом принесла корзину с продуктами. Роберин не поспешил: свежий хлеб, сыр, яблоки, лук, морковь, еще кусок мяса, завернутый в чистую тряпицу, и горшочек с чем-то, пахнущим медом. Настоящее богатство. Она убрала все в дом, кроме хлеба и сыра. Ужин будет скромным, но сытным.

Пока она ела, листала отчеты от старосты. Цифры, названия полей по растениям там высаженным, урожайность... Пока что для неё всё это – китайская грамота. Она отложила до завтра.

Перед закатом она вывела козу с козленком из загона обратно под навес, на привязь. На ночь оставлять их в ненадежном загоне было рискованно – мало ли кто или что забредет. Кормить их было нечем, кроме подножного корма, который они и так жевали весь день. Она надеялась, что к утру коза все же смилостивится и даст хоть немного молока.

Солнце село за лесом, окрасив небо в багровые и лиловые тона. В доме стало темно. Клава зажгла масляную лампу, единственную, найденную в комнате. Ее тусклый свет отбрасывал дрожащие тени на стены. Тишина снаружи казалась громкой. Каждый шорох, каждый крик ночной птицы заставлял вздрагивать. Она заперла дверь изнутри на засов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.